

Полночь по парижскому времени. Журавль в небе

Автор:

[Алиса Клевер](#)

Полночь по парижскому времени. Журавль в небе

Алиса Клевер

Полночь по парижскому времени #3

«Я не верю в судьбу, но она настигает меня вне всякой зависимости от моей веры. Она уже расчертила поле, белые клетки и черные, расставила фигуры и даже двинула их на несколько ходов вперед, пока я продолжала беззаботно смеяться, наслаждаясь моментом – наивная, наивная. Во что можешь не верить ты?! Что смеешь сбрасывать со счетов?!.»

Алиса Клевер

«Журавль в небе»

Then they watch the progress he makes,

The Good and the Evil which path will he take?

Both of them trying to manipulate,

The use of his powers before it's too late.

Iron Maiden – Seventh Son of a Seventh Son[1 - После они следили за ним, Добро или Зло, что выберет он, Оба играли с его огнем, Пользуясь силой, пока не стало слишком поздноIron Maiden, Седьмой сын седьмого сына]

Страсть так же сурова в своих обвинениях, как и человеческие законы, но судит правильнее: разве не опирается она на свою особую совесть, непогрешимую, как инстинкт?

Оноре Де Бальзак

Не знаю, слышите ли Вы, подобно мне, ту внутреннюю музыку, которая поднимается, словно ураган, и бушует в моей душе.

Андре Моруа «Превратности любви»

Я не верю в судьбу, но она настигает меня вне всякой зависимости от моей веры. Она уже расчертила поле, белые клетки и черные, расставила фигуры и даже двинула их на несколько ходов вперед, пока я продолжала беззаботно смеяться, наслаждаясь моментом – наивная, наивная. Во что можешь не верить ты?! Что смеешь сбрасывать со счетов?!

Этого не могло произойти, это было невозможно, маловероятно, почти абсурдно, и, тем не менее, происходило прямо на моих глазах. Случайность. Андре, мой любовник, увидел меня – я стояла на старинных каменных ступенях в доме напротив и с интересом пялилась в его окна. Я была не одна, мы были с Сережей. Я с ним, я – его. Мы были вместе в течение двух лет, и думали, что счастливы. Так бывает, когда люди совсем не знают, что такое настоящее счастье.

Андре увидел нас – беззаботных туристов, случайно зашедших в маленький частный музей Парижа. Конечно, он знал, что эта случайность таковой вовсе не является. Андре не имел на меня никаких прав и никогда не просил о них, но я почувствовала себя самой грязной лгуней на свете. Андре ничего не знал о Сереже, и я оказалась настолько не готова к такому ошеломительно быстрому развитию событий, что почти забыла, кто я и как оказалась на этих старинных ступенях, ведущих прямо в мой персональный ад. Сережа поторопил меня, он собирался идти обедать. Время для нас с ним текло совершенно по-разному. Я словно зависла, перед моими глазами стояло бледное, красивое лицо Андре, я пыталась разгадать смысл его взгляда, понять, что он чувствует сейчас. Думает ли обо мне? Ненавидит ли меня? Я ничего ему не обещала, но разве это

что-то меняет? Я изобретала для себя оправдания, хотя меня об этом никто не просил.

– Твоя мама сегодня будет ночевать в гостинице? – спросил Сережа, беря меня за руку, как маленькую девочку, которая не может сама перейти дорогу. – Мне нужно где-то остановиться. Думаешь, она будет против, если я переночую у вас?

– У нас?

– Ты забыла? В вашем номере две комнаты. Я могу поспать на диване в гостиной.

– Нужно будет спросить, – слова находились с трудом, они звучали совершенно искусственно. Но все эти вопросы действительно требовали решения. Я здесь не для того, чтобы думать о мужчине с глазами «темный мед». Моя мама в больнице, Андре – ее хирург, она привезла меня сюда, в Париж, чтобы я помогла ей вернуть былую красоту, пусть даже без моей веры в то, что это возможно.

– Тогда позвони ей сейчас, – нахмурился Сережа. – Если мне придется искать место, лучше иметь время в запасе. В Париже все безумно дорого.

Я еле сдержалась, чтобы не сказать ему, что не просила его приезжать сюда, прерывать рыбалку в Финляндии и тратить на меня деньги. Когда-то я рассматривала его бережливость как достоинство. Она и была достоинством, просто сейчас я разучилась ценить что-то, кроме опьяняюще-бесцеремонного взгляда темно-медовых глаз. Я позвонила маме, она взяла трубку, только чтобы коротко отбрызнуть меня. Она занята, у нее процедура. Ее кожу тестируют на что-то, и это больно. Во второй половине дня у нее встреча с кем-то. Может быть, она и согласится на этот дурацкий фильм с Пьером Ришаром. Что я хотела? Да, конечно, мой дурацкий парень может переночевать на коврике в нашей гостиной.

– Не на коврике, мам. На диване, – ответила я, но она уже повесила трубку. Я вздохнула. Мама не любила Сережу, и он отвечал ей полнейшей взаимностью. Их миры никогда бы не пересеклись, если бы не я. Мои чувства к ним оказались мостиком, хилым, болтающимся на соплях, но все же соединяющим их.

– Твоя мама – воплощение самой королевы, – недовольно пробурчал Сережа, утягивая меня за руку вниз по переулку. Он был так счастлив покинуть музей, что без проблем простил мамину грубость и мою подозрительную потерянность во времени и пространстве.

– Она всегда была такой, это еще не самый тяжелый случай, – рассмеялась я, пытаюсь пригладить рукой свои растрепанные волосы. Сережа кивнул и немного расслабился. Минутная передышка. Я гуляю по Парижу со своим парнем. Да, он чуть не поймал меня на измене, но не поймал. Курортный роман – вот что это было. Курортные романы случаются со многими. И не важно, что ничего подобного никогда не случалось со мной. К тому же я не на курорте. Я тут, чтобы помочь моей беспомощной знаменитой матери, даже если помочь ей невозможно, если только не изобрести машину времени.

– Ничего себе! – услышала я Сережин голос.

– Что? – я развернулась и посмотрела на него с раздражением. Он отстал.

– Нет, ничего. Просто...ты то плетешься, как будто я тебя на расстрел тащу, то бежишь, как на марафоне.

– Так ты же голоден, как черт, разве нет?! – возмутилась я, не желая обсуждать свои поступки. Опасная почва, ненадежная. Сережа кивнул, огляделся и двинулся вперед, по-прежнему держа меня за руку. Что за дурацкая потребность – ходить, держась за руки? Может быть, чтобы уж ни у кого не осталось никаких сомнений, стоит повесить объявление нам на спины, из серии «мы живем вместе уже два года, у нас все серьезно».

Мы нашли недорогое кафе, меню которого было выставлено на улице, и я принялась переводить Сереже, что именно тут подают. Он не хотел ни лукового супа, ни багета с оливковым маслом, ни рыбы, запеченной со шпинатом. Я могла поклясться, что он бы с куда большим удовольствием поел в местном

Макдональдсе, коих тут тоже хватало, но я, из чистой вредности, отказалась двигаться дальше.

– Раз уж мы в Париже, ты не будешь питаться гамбургерами, а станешь пробовать новые блюда.

– Я не уверен, что хочу пробовать лягушек, – фыркнул Сережа. – И моллюсков. И этих – склизких – которые устрицы. Может, они и деликатес, но я не вижу смысла платить бешеные деньги, чтобы пробовать сопли.

– Тут не подают устриц, – рассмеялась я. – Тут нормальная домашняя еда. Мясо. Суп. Фасолевый салат. Куриный бульон.

– Да ты что! – деланно изумился Сережа. – Вот о курином бульоне я только и мечтал, когда сбегал из Финляндии. Нет, даже раньше, еще на работе! Каждый раз, когда я налаживал сеть, я мечтал именно об этом. Попробовать куриный бульон.

– Не простой бульон, а консоме.

– Хренсоме! – снова фыркнул он, переступая порог кафе с таким видом, словно я его смертельно оскорбила. Сережа работает системным администратором в крупной фирме, поставляющей интернет в московские дома, любит играть по выходным в футбол, рыбалку, гамбургеры и меня. С ним было спокойно и просто, и я вполне могла представить нас ругающимися из-за того, какой телевизор покупать, лет через пять – в нашем совместном будущем. Могла представить наших детей, летние выходные за городом, в палатках, и то, какими неудобными, нелепыми были бы наши семейные обеды в роскошной квартире моей мамы – с ее фруктовыми диетами, вычурной мебелью, которую нельзя трогать, с ее молодым любовником, певцом Кузьмой, и с ее перешитым на новый лад лицом. Одной мысли о том, как мои дети будут портить ее мебель, было почти достаточно, чтобы я всерьез захотела этого будущего. Все это было до того, как я встретила Андре, но я надеялась, я тешила себя идеей, что все будет еще как прежде – потом, когда мы покинем Париж.

Ведь мы покинем его – рано или поздно. Разве нет?

Мама позвонила, когда мы доедали десерт, и Сережа возмущался, какими микроскопическими дозами тут подают сладкое, но, правда, к качеству еды претензий не имел. Еще бы, парижские тортики и правда были восхитительны. Почти наркотик. Мама была уже в отеле и возмущалась тому, какой бедлам я устроила в номере – ни одной горничной с таким не справиться. Спросила, что за стопка бумаг возвышается на полу рядом с креслом. Эти бумаги я так и оставила там – не переведя ни слова. Моя работа. Моя жизнь. Я все поставила на паузу, вообще забыв, что есть что-то, кроме палящего солнца, синего неба и Андре.

Андре.

– Когда вас ждать? – спросила мама, и Сережа отрицательно мотнул головой.

– Мы пока погуляем, – неопределенно ответила я, и он радостно кивнул. Одно дело – провести ночь на коврикe, и совсем другое – проторчать в номере весь вечер. – Я хочу показать Сереже вечерний Париж.

– Ты уверена, что он сможет его оценить? – спросила мама. – Впрочем, ты права. Все эти огни, подсветка Эйфелевой башни производят впечатление на кого угодно. Иллюминация всегда радует толпу.

– Спасибо, мама. Ты зарядила нас позитивом, – улыбнулась я в трубку. – Как ты себя чувствуешь? Что говорят врачи? Когда операция?

– Я чувствую себя как балерина в теле продавщицы мороженого. Я не знаю, с чего все эти опасения, все эти анализы. В Москве у меня никогда не было никаких проблем.

– Ты была моложе, – осмелилась заметить я. В прошлый раз, когда мама делала подтяжку, ей совсем не понравился результат. Это было, наверное, лет семь назад. Мама готовилась к съемкам в сериале, где ей – о боже! – впервые за всю

историю ее триумфального шествия по российским экранам предложили роль не просто возрастную, а совпадающую с ее реальным возрастом. Именно тогда мама решила, что пришла пора задуматься о серьезных мерах. Ее ответом природе стала пластическая хирургия.

- Ничего не изменилось.

- Значит, московские врачи не так боятся судов, – пожалала плечами я. – Кстати, а зачем у тебя в сумках лежат шприцы? Ты что-то себе колешь?

- Шприцы? Ты что, рылась в моих сумках? – мамин голос странно надломился на неестественной высоте, почти на визге.

- Да, рылась, мама – ответила я удивленно. – А что, не должна была?

- Я... мне прописали... – Она, откашлявшись, пробормотала что-то неразборчивое, с названием неизвестного мне препарата, и я хотела бы принять ее ответ за чистую монету. Тем более, что поначалу и сама предположила нечто подобное. Видимо, какие-то витамины. Но сейчас вдруг поняла, что моя мама зачем-то сочла нужным соврать мне, и это было слишком очевидно, чтобы отбросить в сторону. Она врала, и не собиралась говорить правду. Почему? Зачем?

- Мама, месье Робен сказал, что тебе не стоит делать эту операцию, – я так долго не решалась произнести это вслух, что теперь ждала чего-то ужасного. Ядерного взрыва. Крика. Проклятий. Определенно, я накрутила себя куда больше, чем следует. Мама помолчала, а затем, уже спокойным, обычным голосом заявила, что это не тот вопрос, который будет решать месье Робен. И что он не имел никакого права обсуждать это со мной.

- Как же так, мама? Я же – твоя дочь.

- Что еще он сказал? – сухо переспросила она.

- Сказал, чтобы я поговорила с тобой. Чтобы отговорила тебя, – я уже жалела, что начала этот разговор по телефону, но для меня вообще сложно быть несогласной с мамой. А переубедить ее в чем-то и вовсе кажется невыполнимой

задачей. Так уж строились наши отношения. Мама всегда была звездой, а я, стоя в тени, где-то в укромном уголке, очарованно смотрела на то, как она сияет... Иллюминация так нравится толпе. Если бы я могла, отдала бы свою молодость маме, потому что ей она была явно нужнее, чем мне. Жизненно необходима. Но этого я не могла.

- Поговорим позже, - бросила она, явно подразумевая не тот момент, когда мы доберемся до номера, а скорее какое-то отдаленное будущее, которое возможно, но на деле не наступит никогда. Я упустила свой шанс на этот разговор, раскрыв все свои козыри еще до того, как началась игра. Мама будет оперироваться, а я - стоять за дверями операционной и беспомощно дергаться, представляя себе разные ужасы. Я даже не буду знать, что именно произойдет не так. Она никогда мне не скажет. Андре тоже не скажет - врачебная тайна.

- Эй, ты как? - я вздрогнула и посмотрела на Сережу, как на незнакомца. Он вынул из моих рук телефон, и я почувствовала себя безумно усталой. - Что она сказала?

- Ты можешь переночевать.

- Это я понял, - усмехнулся Сережа. - Что за шприцы? Ты расстроена? Что-то не так?

- Да нет, все нормально, - отмахнулась я, ухватившись за единственную успокаивающую мысль, что если уж операцию совсем нельзя будет делать, французы непременно откажутся, и даже обаяния моей матери не хватит, чтобы заставить их.

- Ты уверена?

- Да, я... Да.

- А кто такой месье Робен? - спросил Сережа невинным тоном. Я вздрогнула и, кажется, побледнела. Пробормотала что-то о врачах, о клинике, и мой голос звучал так же неестественно, как и мамин, когда она врала мне. Но Сережа ничего не заметил. Он был сыт, доволен жизнью и тем, что ему не придется тратить деньги за номер. - Врач так врач, отлично. Пойдем гулять по твоему Парижу. Посмотрим на башню, потолкаемся среди парижан, возвращающихся

домой с работы. Когда ты затекаешь вместе с толпой в метро, это почти то же самое, что и Москва. Нет? Не думаешь?

Сережа оживлен и расслаблен, и этим вечером мы снова почти становимся тем, чем и были всего неделю назад – влюбленной парой. Мы целуемся, сидя на лавочке недалеко от Лувра, и это больше не кажется ни странным, ни противоестественным. Мы с моим парнем. Он рассказывает мне о том, что его переводят в другой отдел, что, когда мы вернемся в Москву, он будет зарабатывать больше. Что можно поехать на ноябрьские в Таиланд. Или сэкономить и купить машину. Он давно хочет купить машину. Он научит меня водить.

– Что думаешь? – спрашивает он, и я отвечаю, улыбаясь, что да, можно подумать, Таиланд нам не так уж и нужен, верно?

– Вот это правильно, – одобрительно кивает он и обнимает меня за плечи. Это приятно, гулять, обнимаясь, со своим парнем. Разве нет? И все остальное – тоже нормальные мечты нормальной пары. Все будет хорошо – когда мы вернемся в Москву. Мы пересекаем маленькую улицу и заходим в отель. Швейцар открывает перед нами двери, и мы заходим в лобби, продолжая смеяться над тем, каким взглядом он одарил нас. Мы совсем не подходим этому отелю, – как алюминиевая кружка – тщательно сервированному столу в английском посольстве. Или во французском ресторане. Улыбаясь, мы проходим мимо барной стойки, идем к лифтам. Сережа держит в свободной руке длинный багет в бумажной упаковке, который мы купили «на потом». Но верхушка багета уже съедена. Да, мы варвары. Мы кормили голубей. Лифт подъезжает, его двери открываются. Я оборачиваюсь, сама не зная, что именно привлекло мое внимание. Что-то смутно знакомое, фигура, воспоминание или, может быть, запах свежесваренного кофе, который заказал один из посетителей.

Андре пьет не кофе, он пьет чай. Андре сидит, забросив ногу на ногу, в его руках газета, на низком столике напротив его диванчика – две белые чашки и пустая тарелка. Он сидит на том же месте, где и в прошлый раз. Воспоминание обжигает. Звонок в номер, где я рыдала, оплакивая несуществующее будущее. Он ждал меня внизу. Он ждет меня и сейчас. Андре.

– Ты в порядке? – Сережа стоит в лифте и ждет меня. Я стою, развернувшись вполоборота, загипнотизированная темным медом, обескураживающим взглядом этих пронзительных глаз. Зачем он пришел? Чего он хочет? Устроить скандал? Он ревнует? Хочет поговорить, навредить мне или сделать больно? Заставить мучиться в неизвестности? Он любит это, да, я знаю. Но вот проблема – я тоже это люблю. Как люблю все то, что он делает со мной. Да, я в порядке, – отвечаю я, делаю шаг и спокойно жду, когда двери лифта сомкнутся и скроют от меня такое красивое напряженное лицо Андре. Он сидит без движения, но это неподвижность тигра перед прыжком. В лифте Сережа пытается меня поцеловать.

* * *

Андре Робен, спокойный, такой обманчиво сдержанный, что ты делаешь в лобби моего отеля? Впрочем, у меня нет никакого права называть это место своим. Я оказалась здесь случайно, но откуда же тогда это ощущение подлинности? Чем больше я запутываюсь, тем более правильным кажется мне мое положение. Я хочу ясности, хочу спуститься вниз и спросить Андре, что он делает в лобби моего отеля. Но я хожу из угла в угол, не находя себе места. Возможно, он уже ушел. От этой мысли мне становится почти физически больно. Может быть, он хотел убедиться сам, посмотрев на нас поближе. Может быть, из того окна ему было плохо видно. Я сжимаю кулаки и говорю себе, что было бы лучше, если бы он ушел.

– Что ты мельтешишь? – раздражается мама. – Лучше пойди, принеси мне чемодан. У меня такое чувство, что меня всю истыкали ужасными тупыми иглами. Посмотри, какие у меня синяки.

– Действительно! – восклицаю я, с недоумением разглядывая красивые, подвижные мамины руки. Актриса может рассказать целую историю одним взмахом руки. Синяки большие, яркие, они следуют один за другим, вылезая из-под повязки. Именно в этот момент все становится особенно реальным. Моя мама приехала сюда, чтобы лечь под нож хирурга. Это может быть опасно. В любом случае, это будет больно. Андре, сидит ли он еще там, внизу? Я совсем не знаю его, я только знаю, каким он бывает любовником. Но прославился он тем, как замечательно режет людей. За это ему платят большие деньги. Я не думала об этом раньше, а теперь, когда этот факт предстал передо мной

во всей своей пугающей определенности, мне становится страшно.

– Мне срочно нужна мазь. Я забыла взять ее в больнице. Наверное, ты могла бы пойти и купить такую же.

– Я не знаю, работают ли аптеки, – теряюсь я. – К тому же, ее могут продавать только по рецепту.

– Я не понимаю, мы что, на Северном Полюсе? Или в пустыне? Мы в Париже, деточка, и тут есть круглосуточные аптеки. В конце концов, я не думаю, что обычная обезболивающая мазь против синяков продается по рецепту. Как бы тогда всякие водители такси лечили свои синяки?

– Какие синяки? – с интересом спрашивает Сережа, отрываясь от спортивного канала с футболом, где ему не требовался перевод. – Откуда у водителей такси синяки?

– Не знаю, – пожимает плечами мама. – Водители такси же дерутся, верно? Значит, у них наверняка имеются синяки.

– Какая-то странная логика, тебе не кажется, мама? – Я не хочу идти в аптеку. Я не хочу знать, ушел Андре из лобби или все еще сидит там. Я не искала повода его увидеть, хоть мне этого смертельно хочется. Жизнь без него была такой простой, такой приятной, такой легко поддающейся моему контролю.

– Ничего не странная, – смеется Сережа. – А с кем они дерутся?

Мама теряет, но ненадолго. В ее сознании водители такси уже рождаются пожилыми мужчинами с одышкой, курящими и слушающими шансон.

– Они дерутся друг с другом, – восклицает она. – Так ты сходишь в аптеку? – Ее тон не оставляет сомнений. Мне предстоит пройти по лобби еще раз. При одной мысли об этом мое сердце стучит в два раза сильнее. Впрочем, это только ощущение, не думаю, что его показала бы кардиограмма. Сережа тоже ничего не замечает. Блаженны слепые! Он отворачивается к телевизору, бросая мне вынужденное:

– С тобой сходить?

– Не надо. Мы в самом центре Парижа, – отвечаю я, хватая рюкзак с дивана.

– Тебе написать название мази или запомнишь? – спрашивает мама, когда я уже берусь за ручку двери. Я забыла, что мне поручено купить мазь. Я забыла все на свете и считаю секунды, отделяющие меня от заполненного посетителями лобби. В кафетерии, за барной стойкой полно народу, наше лобби – популярное место встреч. Как Андре не боится, что нас тут увидят? Похоже, он вообще ничего не боится, никогда. Но не в храбрости дело, а в том, что у него механизм, рождающий страх, кажется, отсутствует. Он не боится, потому что просто не умеет бояться. Если бы умел – не мог бы делать то, чем он занимается. Все хирурги просто обязаны быть от природы немного другими, разве нет?

– Ты не ушел! – Я стою рядом с его диванчиком и смотрю на него, не веря своим глазам. Он сидит и читает газету, словно действительно пришел сюда только из любви к местной кухне, выпить чаю с пирожным, посидеть в относительной тишине и комфорте, листая вечернюю газету. Андре откладывает ее в сторону и смотрит так, словно не ожидал меня тут видеть.

– А должен был?

– Ты видел меня в том окне? – Я злюсь, хотя и не могу сказать точно, почему. Кажется, больше злюсь на себя, чем на него. Меня бесит то, как сильно я нервничаю, то, насколько мне не по себе. Особенно по сравнению с ним.

– Ты пошла искать тот музей! – восклицает он, и в его тоне слышится удивление и...удовольствие.

– Я поверить не могу, что ты всерьез был готов к тому, чтобы нас увидели! Как ты мог....

– Что? Не сказать тебе? Но ведь я сказал, моя милая птица, и я был кристально ясен. И честен. В этом и был весь смысл, чтобы ты знала. Несмотря на то, что обычно в этом музее по ночам никого нет, мне нравилась сама идея. А тебе?

– Мне? Обычно никого нет? Обычно?! Да если бы я знала, что там кто-то был, я бы сбежала, как заяц!

– Не думаю, – Андре качает головой, оглядывая меня снизу вверх, словно прикидывая, насколько это могло бы оказаться правдой. – И хотя я, признаться честно, далеко не так часто, как может показаться, устраиваю бесплатные шоу, я уверен, ты бы осталась, даже если бы знала, что там находится целая рота солдат.

– Почему?

– Потому что я так хотел, – заявляет он, ничтоже сумняшеся. От такой беспардонной самоуверенности я едва не задыхаюсь, и кровь приливает к щекам. Я не нахожу, что ответить, а Андре поднимает газетку и вперивается в нее так, словно я мешаю ему читать.

– Что ж, хорошего вечера, – киваю я, разворачиваясь с полным намерением направиться к выходу.

– И ты тоже этого хотела, – тихо бросает он мне вслед. – Этого и еще тысячи других сумасшедших вещей, даже тех, о существовании которых ты не подозреваешь пока.

– Значит, ты считаешь, что знаешь меня лучше, чем я сама? – возражаю я, оглянувшись. Андре смотрит на меня, как кот на сметану, не чувствуя стыда или неудобства И вдруг я понимаю, зачем он пришел сюда сегодня.

– Значит, у тебя есть молодой человек. Как его зовут? – спрашивает Андре самым нейтральным голосом. Выходит очень неплохо, но меня ему не обмануть.

– Сережа, – отвечаю я с вызовом. – Его зовут Сережей, мы уже два года вместе.

– Значит, это – большая любовь? – Андре улыбается кончиками губ, но глаза его становятся холодными, как лед. – Мои поздравления, Даша.

– Спасибо! – почти кричу я.

– Вот только...что ты тогда делаешь тут, со мной?

– Я... я... – неожиданно все становится сложным, ответить не получается. – Я иду в аптеку.

– Да? Аптека там, – Андре кивает в сторону выхода. – Тут только круассаны... и я.

– И ты, – машинально повторяю я, беспомощно наблюдая за тем, как Андре откладывает в сторону газету и поднимается с дивана. Он встает с места, подходит ко мне – близко, почти вплотную, почти за гранью приличия, и смотрит на меня самым яростным, самым «говорящим» взглядом из тех, что я видела в своей жизни.

– Иди за мной, – командует он. Его губы – они почти скользнули по моим, и от этого «почти» я чуть не расплакалась. Я скучала по его губам, по этому взгляду безжалостного, беспощадного хищника. Я говорила себе, что это – наваждение, что в этом не может быть моей вины, он просто парализует мою волю. Это что-то неясное, находящееся за гранью человеческого разума, но, тем не менее, мое тело слушается Андре, я следую за ним. Иду, игнорируя свои страхи и сомнения, истерически похихатывая над призывами одуматься. Я пересекаю весь холл, киваю знакомому бармену – он действительно смотрит на меня с сочувствием или мне показалось? Андре движется вперед, не оглядываясь. Он не сомневается в том, что я последую за ним, он не держит меня за руку. Почему? Что, если я развернусь и убегу? Я ведь уже делала так, а потом заливалась слезами, словно совершила самую большую ошибку в жизни.

– Куда мы идем? – решила спросить я, когда мы стояли перед лифтами. В моем сознании мелькнула дурацкая, абсурдная мысль, что сейчас мы придем в мамин номер, и она расхохочется, потому что не поверит своим глазам. Я и сам Андре Робен, прославленный молодой хирург, которого она зарезервировала для себя. Ерунда какая-то! А Сережа – сначала он будет разбит и подавлен, затем, наверное, придет в ярость и примется собирать вещи, делая вид, что меня нет. И уйдет, потому что уважает себя. Он всегда говорил, что измены нельзя прощать, ибо изменивший однажды непременно изменит снова.

– Я не знаю, куда-нибудь, где потише, – отвечает Андре со всей беспечностью. Он держится подчеркнуто отстраненно, как незнакомец, с которым я попала в один лифт по чистой случайности. Мы стоим и слушаем, как гудит механизм,

поднимая нас вверх, и я готова поспорить, что Андре в ярости. Она расходится кругами, как радиация, и мне становится страшно... и интересно. Андре в той же самой рубашке, в которой я видела его в окне, только застегнутой на все пуговицы, кроме верхней, и в светлых джинсах. В руке – брелок от машины. Значит, он приехал в синем кабриолете. Как долго он просидел в нашем лобби, читая газету?

– Сергей появился внезапно. Я не знала, что он приезжает. Этого не должно было случиться, – говорю я, не в силах больше выносить этой звенящей обвиняющей тишины. – Я не хотела этого.

– Я даже не знаю, что меня злит больше, что ты изменяла ему со мной или что не удосужилась сказать мне, что у тебя есть другой мужчина, – Андре выходит из лифта и оглядывается. Мы стоим в пустом гостиничном коридоре с дверями по обе стороны. Андре прикидывает что-то и поворачивает направо. Я бегу за ним.

– Но ведь то, что было между нами... Это же все несерьезно. Роман на одну ночь! Зачем бы я...

– Роман на одну ночь? – Андре остановился резко, неожиданно, и я «впечаталась» в него. Он схватил меня за руки и прижал к стене, его лицо нависло над моим, он был по-настоящему взбешен. Я испугалась, что пошла с ним. – Откуда ты это взяла? Роман на одну ночь?

– А чем еще это было? – я разозлилась и подалась вперед. – Ты трахнул меня в гостиничном номере в первый же вечер. Ты ни о чем не спросил.

– Я задал тебе миллион вопросов.

– Среди них не было вопроса «а есть ли у тебя парень?», – процедила я, пытаюсь вырвать запястья, но Андре держал крепко. Он долго смотрел на меня, словно прикидывая, как получше со мной разделаться, а я вспоминала наш первый вечер, его неожиданное приглашение в ресторан и мою отчаянную решимость пойти так далеко, как только смогу. Плевать мне было на Сережу. Мне и сейчас на него плевать. Словно это была не я, а кто-то другой, незнакомка, которую не волновали вопросы морали. Только то, как умопомрачительно пахнут губы Андре, как я хочу их поцеловать.

– Ты имела все шансы упомянуть о нем. Знаешь, например, между горячим и десертом. Сказать, «О, кстати, Андре, у меня есть парень. Он русский, выглядит как торговец брелоками, но я люблю его, черт его знает, почему».

– Он не выглядит как торговец брелоками. Какими брелоками, не понимаю! Что за чушь – торговец брелоками? – я вырывалась, и чем сильнее я билась в его руках, тем крепче сжимались его пальцы на моих запястьях.

– Но ты любишь его.

– Да! Да! – я крикнула это, чтобы позлить Андре. Какой-то бес вселился в меня, и я не хотела его останавливать. Я попыталась укунить Андре за руку, а он отпустил меня, расхохотался и накрыл мой рот ладонью.

– Чего же ты тогда злишься? – прошептал он тихо, склонившись ко мне. Я уже не думала ни о чем, кроме того, как он близок и как прекрасен. Одного взгляда на его лицо, простого осознания что он сжимает меня в руках, было достаточно, чтобы опьянить – словно он сам был афродизиак, моим персональным сортом «бренди». Он ослабил хватку, убрал руку и увидел, что я улыбаюсь и смотрю на него с вызовом. Андре ничего не сказал, только огляделся вокруг и кивнул. Я последовала за ним, наплевав на любые последствия. Из какого-то номера, посмотрев на нас с подозрением, вышел седой господин с небольшим животиком. Он явно спешил, поэтому только неодобрительно покачал головой и, скрывшись за поворотом, направляясь к лифтам. Андре дошел до конца коридора и остановился около двух последних дверей.

– Мы что, вломимся в чей-то номер?

– Тише, тише, – он приложил палец к моему рту, и мы оба рассмеялись, как подростки, сбежавшие с урока. Андре что-то сделал с замком крайней двери, и она поддалась буквально за считанные секунды. Мы оказались в небольшом, с одним маленьким окошком, помещении, заполненным оборудованием и приспособлениями для уборки. На стеллажах лежали стопки махровых полотенец, тюки с простынями. Мы оказались в техническом помещении.

– Ты знал, куда идешь, да? Ты знал, конечно, – прошептала я, когда дверь за нами закрылась. В комнате было темно и тесно, сумерки на улице сгущались,

свет уличных фонарей не проходил сквозь крошечное окно. – А что, если сейчас кто-то сюда явится?

– Помешаем этому негодяю, – хмыкнул Андре и огляделся, прикидывая, что именно ему нужно. Он достал из угла одну из швабр, вероятно, ту, которая вызвала у него наибольшее доверие, и подсунул ее под дверную ручку. Теперь мы были заперты изнутри. Я дрожала, чувствуя, как мурашки бегут по телу. Это было чистое сумасшествие, но я находилась тут, с Андре, и это являлось, как говорится, неоспоримым фактом. Андре запихнул ключи от машины к себе в карман и расстегнул еще одну пуговицу на своей рубашке. Я не знала, что будет дальше, но, что бы ни было, я хотела этого и ни за что бы от этого не отказалась.

– Когда я с тобой, мне кажется, что до тебя я и не знала о том, что такое на самом деле – любить. Но ведь это не так, и ты сам знаешь это, – прошептала я, протягивая руку к его лицу.

– Что именно не так? – спросил он, склонив голову и напряженно вглядываясь в мое лицо.

– Это ведь не любовь.

– Ты не знаешь, что такое любовь, – прошептал он. – Даша, ты сильно расстроила меня.

– Я не хотела.

– Не хотела? – Он не дал мне отвести взгляд.

– Я не знала, что мне делать, – мой голос охрип, я тихонько откашлялась, плаваясь под его изучающим взглядом.

– Что ж. Этому я верю. Знаешь, я ведь всегда скажу тебе, что делать. А ты сделаешь все, что я скажу, да? Разденешься для меня, моя птица?

* * *

Время остановилось, и весь мир отступил в тень, оставив в ярком световом круге эту крошечную комнату, пахнущую стиральным порошком и кондиционером для белья. В комнате было так тихо, что мы слышали, когда на наш этаж приезжал лифт, слышали разговоры людей, из него выходящих. Нас могли застать, сюда могли войти в любой момент, и я стояла, чувствуя себя, как будто меня запустили в клетку с тигром. Все, что отделяло меня от позорного скандала, – это древко швабры, которым мы приперли дверь.

«Разденься для меня». Он сказал это без всякой нежности, в его тоне не было и тени просьбы. Скорее вызов, брошенный мне. Тигр ходил по краю и смотрел на меня темно-медовыми глазами. Я сделала шаг назад, надеясь отступить, тоже уйти в тень, но за спиной стояли стеллажи. Андре не спешил и не торопил меня. Но он стоял между мной и дверью, и убежать было невозможно. К тому же, я и не хотела бежать.

– Они хватятся меня.

– Они не станут искать тебя здесь! – Он хищно улыбнулся, и я почувствовала, что дрожу... – Ты сама разденешься или мне порвать все эти дурацкие тряпки?

– Ты не сделаешь этого! – ахнула я, и Андре, одним прыжком оказавшись рядом, обнял меня за плечи, если только можно назвать объятием этот стальной обхват. Он ухватился за ткань моей футболки, и тут я испугалась по-настоящему.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

После они следили за ним,

Добро или Зло, что выберет он,

Оба играли с его огнем,

Пользуясь силой, пока не стало слишком поздно

Iron Maiden, Седьмой сын седьмого сына

Купить: <https://tellnovel.com/alisa-klever/polnoch-po-parizhskomu-vremeni-zhuravl-v-nebe>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)